

Новый дом, куда переехал Чжоу Ши, располагался в старом жилом квартале неподалеку от гор. Возвращаясь домой из круглосуточного супермаркета, он всякий раз проходил через темный переулок, куда не дотягивался свет уличных фонарей. Ночь была черна, но луна светила ярко, а в середине лета небо густо усыпано звездами. В их холодном, как вода, сиянии можно было различить очертания мусора, валявшегося на обочинах: обертки от мороженого, щепки сахарного тростника, остатки жевательного бетеля, пустые бутылки из-под газировки, яркие фантики от снеков и окурки.

На полпути через переулок Чжоу Ши увидел в тени троих рослых парней, которые окружили кого-то и осыпали ударами. Из-за расстояния лиц было не разглядеть, но голоса звучали отчетливо: они громко ругались, а в их словах слышалась какая-то пренебрежительная, легкая радость людей, чувствующих свою власть.

Обычная уличная травля, где толпа берет числом.

Чжоу Ши нахмурился, достал телефон и включил на максимальную громкость заранее записанный звук полицейской сирены.

Фальшивый вой не прозвучал и нескольких секунд, как хулиганы, выкрикнув напоследок порцию недовольных ругательств, бросились наутек в другой конец переулочка. Чжоу Ши подошел к парню, который, прислонившись спиной к стене, с трудом пытался подняться на ноги. Его лицо распухло, из уголка губ сочилась кровь. Чжоу Ши быстро набрал на экране: Рядом есть частная клиника, хочешь сходить?

— Черт! Какое тебе дело, пойду я в клинику или нет! — Чэнь Цзяньхэ, весь в синяках и ссадинах, выпрямился и отряхнул пыль с одежды. Он нахмурился, глядя на незваного помощника, и добавил с вызовом: — Кто тебя просил лезть не в свое дело? Делать больше нечего?

Несмотря на грубый тон, Чжоу Ши не разозлился. Он внимательно осмотрел парня: на нем была форма средней школы Синьчжуан, на которой было вышито имя Чэнь Цзяньхэ. Ему было не больше шестнадцати, хотя выглядел он старше своих лет. Особенно когда хмурился — от него исходило такое тяжелое, агрессивное давление, что возраст отходил на второй план.

Пока Чжоу Ши разглядывал его, ноздри уловили запах крови. Он опустил взгляд на левую руку парня, которая безвольно висела вдоль тела: там виднелась глубокая рваная рана, из которой сочилась алая кровь. Чжоу Ши снова напечатал: Ты ранен, нужно немедленно сделать прививку от столбняка.

Прочитав сообщение, Чэнь Цзяньхэ нахмурился еще сильнее, так что между бровей пролегла глубокая складка.

— Да отвали ты! Кто ты такой, чтобы указывать? От такой царапины не сдохну! Тебе что, жить надоедо... Ссс! — он слишком широко открыл рот, и резкая боль в разбитой губе заставила его скривиться, мгновенно растеряв весь грозный вид. — Чего уставился? Немой придурок!

Чжоу Ши остался невозмутим. В его глазах не промелькнуло ни тени эмоции. Он смотрел на Чэнь Цзяньхэ как на маленького, ошетинившегося ежонка. На этот раз он не стал ничего писать, а просто достал из пакета с покупками коробочку пластырей, вложил ее в руку парня и, развернувшись, широким шагом зашагал прочь.

Старый дом находился на втором этаже, куда вели двадцать две ступени узкой и крутой лестницы.

Чжоу Ши достал ключи и открыл дверь. В тусклом свете он увидел отца, Чжоу Чжимина: в одной руке тот держал зеленую бутылку пива, на дне которой оставалось немного жидкости, в другой судорожно сжимал телефон, который даже не звонил. Лицо отца было перекошено от гнева, он напоминал тлеющий окурок, догорающий до самого фильтра.

— Почему так долго ходил в магазин? — Чжоу Чжимин заметил, что сын вошел, с грохотом поставил бутылку на стеклянный столик и раздраженно бросил: — Господи, чего встал на пороге? Ждешь, пока я начну над тобой смеяться? Марш в свою комнату!

Они переехали в этот район из центра Тайбэя после того, как Чжоу Чжимин, работавший журналистом, совершил серьезную ошибку и лишился карьеры. Хотя отец никогда не говорил об этом прямо, Чжоу Ши по обрывкам телефонных разговоров понял: отец нарушил профессиональную этику, взял деньги за заказную статью и был разоблачен. Теперь никто не хотел связываться с журналистом, запятнавшим свою репутацию, как бы тот ни умел владеть пером.

Чжоу Ши выложил на столик купленные лекарства для желудка и леденцы от похмелья, налил отцу стакан теплой воды и молча ушел в свою комнату.

Дверь была старой, деревянной, и при открытии издавала жалобный скрип. Чжоу Ши включил свет, открыл окно, впуская ночной воздух и лунный свет, и зажег спираль от комаров.

Летом было слишком много насекомых, цикад, звезд и духоты. Он лег на кровать, подложив руку под голову, и устался на ветви деревьев за окном. Беззвучно пересчитав колышущиеся листья, он вынул из уха слуховой аппарат и закрыл глаза.

Два дня спустя Чжоу Ши снова случайно столкнулся с Чэнь Цзяньхэ. В этот раз его не били, но ситуация была не лучше: за ним гнались трое парней в той же школьной форме.

Чжоу Ши остался стоять в тени. Когда Чэнь Цзяньхэ пробежал мимо, он схватил его за запястье, затянул в угол переулочка и ловко накрыл сверху брошенной картонной коробкой. Проделав это, он невозмутимо направился к супермаркету.

Когда он уже расплачивался за онигири и молоко, перед ним возникла рука с двумя пластырями на пальцах, протягивающая сто долларовую купюру. Не успел Чжоу Ши среагировать, как владелец руки сказал продавцу:

— Пробей это за него.

Чжоу Ши достал телефон и быстро набрал: Спасибо.

Чэнь Цзяньхэ мельком взглянул на экран и буркнул:

— Не за что. Мы в расчете. И предупреждаю: не лезь больше в мои дела. Немой супергерой, нашелся мне! Если тебя из-за меня побьют, ко мне не обращайся.

Чжоу Ши понял, что парень просто сквернословит, но на самом деле не хочет втягивать его в свои неприятности, и никакой злобы в нем нет. Он напечатал вопрос: Хочешь холодный напиток?

— ...Ты меня вообще слышишь или решил, что я хороший мальчик? — Чэнь Цзяньхэ опешил. — Ты что, правда собрался купить мне попить?

Чжоу Ши кивнул.

Чэнь Цзяньхэ на мгновение замолчал, пробормотал под нос что-то вроде ты больной, и, не оглядываясь, вышел из магазина.

Через неделю после перевода в новую школу Чжоу Ши столкнулся с изоляцией и мелкими пакостями. Он не обращал внимания, но однажды после уроков обнаружил, что у велосипеда спустили шины. В глазах одноклассников его нежелание вступать в конфликт выглядело как слабость. Вскоре насмешки переросли в физические толчки. Когда ситуация вышла за рамки хулиганства, Чжоу Ши дал отпор. В прошлом он занимался боевыми искусствами, поэтому быстро поставил на место задир, которые умели лишь применять грубую силу.

После этого его жизнь в школе стала спокойной. Дни тянулись размеренно, как пресная вода.

Как-то в выходной в парке Чжоу Ши встретил бездомного кота. Рыжий, грязный, размером с ладонь, он был настолько худ, что казался кожаным мешком с костями. Кот посмотрел на Чжоу Ши, и в его янтарных глазах, полных влаги, читалась мольба.

Чжоу Ши присел и осторожно протянул руку, но кот отпрянул, выгнув спину и зашипел, полный недоверия.

— Он не пойдет с тобой, — раздался рядом мягкий, прохладный голос с легкой усмешкой.

Чжоу Ши обернулся. Рядом стоял парень в белоснежной рубашке, застегнутой на все пуговицы. Его лицо было бледным, черты лица тонкими, а глаза — яркими и глубокими. Когда он улыбался, в его взгляде читалась легкая печаль, и Чжоу Ши почему-то подумал, что он

похож на луну, упавшую в воду.

Чэнь Цзяньхао прищурился от яркого солнца, достал из сумки кошачьи консервы, открыл их и поставил перед котом.

— Ешь, — тихо сказал он.

Наблюдая, как кот уплетает еду, Чжоу Ши набрал в телефоне: Ты давно его знаешь?

Чэнь Цзяньхао кивнул и медленно произнес:

— Можно сказать и так. Я кормлю его каждые два дня. Ты видишь его впервые? — получив утвердительный кивок, он спросил: — Хотел забрать его домой?

Чжоу Ши покачал головой и напечатал: Дома нельзя. Я хотел отвезти его в приют.

Чэнь Цзяньхао снова покачал головой:

— Он сейчас свободен и может выжить сам, не стоит вмешиваться. К тому же, его уже однажды бросили, он не создан для жизни в клетке. — Солнечный свет играл в его черных глазах. Он слегка улыбнулся, и уголки его губ дрогнули, как трещина на свету. — Свобода бесценна. Пусть остается свободным.

Чжоу Ши набрал: А ты сам свободен?

Чэнь Цзяньхао не ответил сразу, а вместо этого спросил:

— А ты?

Чжоу Ши задумался на несколько секунд и напечатал: Руссо сказал, что человек рожден свободным, но повсюду он в оковах. Я живу в оковах общества, я не свободен.

Прочитав ответ, Чэнь Цзяньхао рассмеялся, прищулив глаза:

— Я тоже живу в оковах общества. Разве можно быть по-настоящему свободным?

<http://bllate.org/book/20953/2124459>